

Отзыв
о диссертации Нины Роландовны ДОБРУШИНОЙ
«Семантика косвенного наклонения»
корпусное исследование грамматической полисемии»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.02.19 «Теория языка»

Диссертация Н.Р.Добрушиной посвящена исследованию русского сослагательного наклонения (а именно, «семантике русского сослагательного наклонения в современных письменных текстах», с.12) Она находится в русле активно развивающегося в настоящее время направления исследований, которое можно обозначить как «русский язык в типологической перспективе», что свидетельствует о безусловной **актуальности** диссертации.

Русское сослагательное наклонение действительно составляет одну из наиболее проблемных точек русской грамматики как формально, так и содержательно. **Теоретическое значение** результатов, полученных в диссертационном исследовании Н.Р.Добрушиной определяется тем обстоятельством, что они одновременно продвигают нас в понимании устройства выбранного фрагмента русской грамматической семантики и представляют существенный вклад в грамматическую типологию а именно, в разработку универсального инвентаря грамматических значений, составление которого является сегодня одной из главных задач типологии. Таким образом, проведенное исследование предоставляет теоретическую основу для описания семантики ирреальных наклонений в языках мира. Именно это обстоятельство (хотя и не только оно) позволяет с уверенностью утверждать, что диссертация Н.Р.Добрушиной, посвященная исследованию русской грамматической семантики, соответствует специальности 10.02.19 «Теория языка».

Безусловным достижением является разграничение двух типов употреблений сослагательного наклонения в независимых предикациях, которые обозначены как «повествовательное» и «диалогическое». Важное теоретическое значение имеет проделанное диссертантом описание различий семантического и синтаксического употреблений сослагательного наклонения. Следует отметить также интересные результаты, касающиеся ряда сложных вопросов теоретической грамматики, в частности, генезиса желательности как компонента грамматического значения, а также развития оптатива в русском языке, демонстрируемое исследованной диссертантом эволюцией конструкции с инфинитивом.

Наиболее существенная **новизна** диссертации состоит в том, что в ней впервые применен к исследованию русского сослагательного наклонения метод лингвистического анализа, который в американской лингвистике называется “usage-based approach” (Дж. Байби, М.Томаселло; этот метод широко применяется, в частности, в работах Лоры Янды, Юлии Кузнецовой, Ольги Ляшевской, Валентины Апресян и др.), главными принципами которого являются: (1) «конструкция» (в понимании, принятом в Грамматике конструкций), т.е. определенная лексема в определенной грамматической форме или некоторая устойчивая их комбинация, как центральная категория языковой структуры и (2) «вес» данной конструкции (определяемый частотностью и некоторыми другими квантитативными параметрами, устанавливаемыми корпусными методами) в реальном употреблении как ее сущностная характеристика. Этот подход применяется в рамках проекта корпусно-

ориентированного описания русской грамматики РУСГРАМ, и диссертация Н.Р.Добрушиной, в том числе, вносит весьма существенный вклад в реализацию данного проекта. Применяемый в диссертации подход позволил продемонстрировать, что особые конструкции образуют формы сослагательного наклонения глаголов *хотеть, хотеться, предпочитать* и *мочь*. Были выявлены конструкции, образуемые предикативами, которые наиболее часто сочетаются с частицей *бы* без связки; образуемые модальными предикатами, обладающими свойством синонимии индикатива и сослагательного наклонения; предикатами, предпочитающими дополнительное придаточное с сослагательным наклонением; выявлены признаки «желательной конструкции», что позволило существенным образом уточнить описание данного фрагмента грамматики сослагательного наклонения в русском языке; продемонстрировано, что сочетание инфинитива с частицей *бы* представляет собой особую конструкцию, т.е. может считаться отдельной формой наклонения.

В диссертации Н.Р.Добрушиной впервые с единых теоретических позиций и на корпусном материале проанализированы и систематизированы все типы конструкций с частицей *бы* в русском языке не только с глаголом в прошедшем времени, но также и с рядом нефинитных форм; убедительно продемонстрирована важная роль независимого употребления сослагательного наклонения и его существенные отличия от употребления в условных придаточных. Исследование включает и диахронический аспект: прослежены изменения, произошедшие в семантике и употреблении сослагательного наклонения в русском языке, в частности, продемонстрировано, что бессвязочные конструкции с предикативами прошли путь от безоценочного ирреального значения к специализации на выражении желания и необходимости.

Обоснованность выдвигаемых утверждений и **достоверность** полученных результатов не вызывают сомнений. Достоверность результатов обеспечивается применением точных методов анализа. Обоснованность выводов, делаемых на основании полученных результатов достигается за счет высокой профессиональной компетенции автора и опыта работы в области грамматической типологии на материале языков разных семей. В работе имеется множество тонких и точных наблюдений, касающихся семантики рассматриваемых типов конструкций с сослагательным наклонением, обоснованность которых подкрепляется опорой на общие категории грамматической теории, достижения современной грамматической типологии и блестящее владение методами семантического анализа, в том числе корпусными.

Практическое значение работы определяется, прежде всего, широкими возможностями использования как полученных результатов, так и примененной методологии корпусного исследования в высшем образовании: в общих и специальных курсах по русскому языку, семантической и грамматической типологии, корпусной лингвистике.

Диссертация имеет очень строгую и продуманную композицию. Работа состоит из семи глав, между которыми имеется множество перекрестных ссылок, таким образом, текст диссертации легко может быть преобразован во фрагмент корпусной грамматики русского языка, представленный в электронном формате, использующем возможности гиперссылок. Главы диссертации сгруппированы в три части. Первая часть – вводная: глава 1 посвящена обсуждению основных понятий грамматической теории, разрабатываемых в диссертации. В главе 2 исследуется вопрос распределения вариантов *бы* и *б* анализируемой частицы (и диссертант приходит к заключению, что

они должны рассматриваться как равноценные). Вторая часть посвящена употреблению сослагательного наклонения в независимых конструкциях, а именно, в конструкциях с прошедшим временем глагола (*пришел бы*), с инфинитивом (*прийти бы*), с предикативом (*надо бы*) и некоторые другие. Отдельная глава посвящена конструкциям всех синтаксических типов с модальными глаголами (в которой, в частности, выявлены условия и причины возможной синонимии сослагательного наклонения и индикатива). В самой большой третьей части рассматривается семантика сослагательного наклонения в придаточных предложениях: условных, условно-уступительных, относительных, в придаточных с союзом *чтобы* и в дополнительных придаточных с союзом *как*. В заключении компактно сформулированы полученные результаты решения поставленной задачи описания механизма выбора значения полисемичного косвенного наклонения.

Новаторский характер примененного в диссертации Н.Р.Добрушиной подхода имеет, в частности, то следствие, что у оппонента возникает значительное количество замечаний и соображений, в том числе критического характера, касающихся как общих вопросов, так и анализа конкретных фактов. Приведу некоторые из них.

Ряд вопросов касается принятой в диссертации терминологии.

1 По отношению к фактам русской грамматики в диссертации используется термин «сослагательное наклонение», когда же речь идет о типе языкового значения с точки зрения универсального инвентаря грамматических значений, используется принятый в типологии термин «ирреалис» или «ирреальное наклонение». Недостатком термина «ирреалис» является его двусмысленность. как известно, так обозначаются как утверждения, вводящие гипотетические, т.е. могущие осуществиться (или возможно уже осуществившиеся, но это неизвестно говорящему) ситуации, так и утверждения контрфактивные. При этом внутренняя форма термина, и в особенности наличие таких дериватов как «ирреальная ситуация», «ирреальность» имплицитно подразумевает понимание самого термина «ирреалис» лишь во втором смысле. Термин «косвенное наклонение», иногда используемый в литературе как синоним для термина «ирреальное наклонение», охватывает существенно более широкий круг явлений, чем те, которые являются главным предметом диссертации, посвященной именно русскому сослагательному наклонению, причем определяется оно формально (по наличию частицы *бы* в определенном круге синтаксических контекстов). Анализ именно этого жестко очерченного круга языкового материала корпусными методами и на широком типологическом фоне позволяет диссертанту сделать более далеко идущие выводы относительно устройства соответствующей понятийной категории.

2. На с. 30 говорится следующее:

В то же время существуют наклонения, употребление которых не зависит от дискурсивного режима. Это те наклонения, которые не связаны с фигурой говорящего, а выражают объективную оценку ситуации. Таким наклонением является ирреалис (*он же* субжонктив, конъюнктив, кондиционалис, сослагательное наклонение и т. д.).

Из этого утверждения следует, что все перечисленные термины обозначают одно и то же (ср. «он же»). Однако это очевидно не так, что и отмечается в других местах работы. Действительно, имеются языки, где есть и конъюнктив, и кондиционалис (как напр. во французском *subjonctif* и *conditionnel*), функции которых достаточно строго распределены. При этом, например, французский *subjonctif* как раз непосредственно связан с фигурой говорящего: он употребляется в

придаточных, вводимых предикатами волеизъявления, сомнения и т.п. Все эти факты безусловно известны диссертанту и так или иначе учтены им, так что очевидно, здесь просто допущена небрежность в выражении мысли, однако досадная.

Вообще сам русский термин «субжонктив» (возникший в диссертации, очевидно, как способ передачи английского грамматического термина subjunctive (mood), который обычно переводится как «сослагательное наклонение») представляется неудачным, и если имеет право на существование именно в такой форме, то, возможно, лишь для обозначения французского наклонения subjunctif (впрочем, тогда непонятно как быть, например, с испанским subjuntivo?). Для обозначения категории, не связанной с конкретным языком и отличной от конъюнктива, если это необходимо, можно было бы использовать термин «субъюнктив»

3 В диссертации вводится противопоставление двух типов значений сослагательного наклонения: «повествовательное» vs. «диалогическое», которое оказывается весьма эффективным инструментом анализа. Однако, возможно, лучше было бы обозначить первый член этой оппозиции термином «дескриптивный», поскольку термин «повествовательный» однозначно относит к определенному типу дискурса нарративу, между тем (как справедливо отмечено диссертантом), данный тип значения сослагательного наклонения может реализоваться в любом типе дискурса. И наоборот, в диалоге возможна реализация обоих значений (в том числе, для одного и того же глагола, т.е. здесь имеет место лексическая полисемия), ср. *Я назвал бы тебе имя моей невесты, но боюсь, что ты разболтаешь* (в терминах диссертанта «повествовательное» значение, сослагательное наклонение обозначает гипотетичность) и *Я назвал бы трех мастеров, оказавших влияние на формирование творческого метода этого художника* (сослагательное наклонение имеет некоторое переносное значение, в котором признак гипотетичности утрачивается). Замечу, что аналогичная полисемия характерна для того же типа глаголов (т.е. глаголов, включающих интенциональный и акциональный компонент) в контексте оператора отрицания, ср. *Я не назову тебе имени моей невесты, Если я не найду свои очки, придется заказывать новые* (профилирован акциональный речевой компонент, форма презенса сов. вида имеет футуральное значение) и *Это решение я никак не назову удачным; Парня полюбила на свою беду, не могу открыться, слов я не найду* (профилирован интенциональный компонент, форма презенса сов. вида имеет презентное значение).

4. Выражение «фантастическая ситуация в будущем» (с.18) представляется неудачным как само по себе (если ситуация «фантастическая» в том смысле, что она не может иметь места, то не имеет значения, отнесена она в тексте к будущему или к прошлому). В особенности это очевидно для примера

(1) *Если бы завтра сменилась власть, никто бы не заметил,*

который приведен вслед за примером:

(2) *Если бы в результате прошлых выборов сменилась власть, никто бы не заметил,*

где та же самая ситуация отнесена к прошлому из чего следует, что применение характеристики «фантастическая» к ситуации, упомянутой в примере (27), обусловлено именно ее отнесенностью к будущему, а это безусловно некорректно. Так, можно сказать *Если бы ты завтра отвез детей в школу, я бы за это время*

сварила борщ; Если бы Иван завтра пригласил Машу в театр, она бы скорее всего согласилась и т.п. Очевидно, что описываемая ситуация здесь вовсе не представляется говорящему «фантастической»

Диссертант комментирует примеры (26) и (27) следующим образом:

для говорящего нет принципиальной разницы между неосуществленным событием в прошлом и фантастической ситуацией в будущем – для него их статус одинаков, и они одинаково маркируются сослагательным наклонением (с. 18),

Однако вопрос о том, насколько «реальной» (возможной, вероятной, «фантастической» и т.д. в том конкретном экстралингвистическом контексте, в котором произносится данная фраза) является названная ситуация, не имеет отношения к грамматической семантике. И это разграничение контрфактивности как элемент грамматического значения или как смысловой компонент, порождаемый лексической семантикой входящих в данное предложение единиц, структурой текста или экстралингвистическим контекстом необходимо проводить со всей строгостью.

Действительно, специфическая особенность русского сослагательного наклонения состоит в том, что оно не различает то, что в латинской грамматике называется *casus potentialis* и *casus irrealis*, и эти два случая различаются грамматически: в случае *casus potentialis* в обеих частях условного предложения употребляется (в зависимости от временной отнесенности ситуации) *praesens conjunctivi* или *perfectum conjunctivi*. *Si id dixeris, erraveris* = Если бы ты это сказал, то ты бы ошибся. Для выражения значения, именуемого *casus irrealis*, используются *imperfectum conjunctivi* или *plusquamperfectum conjunctivi*. *Si id dixisses, erravisses* = Если бы ты это сказал, то ты бы ошибся (но ты этого не сказал). Таким образом, в латинском языке семантический компонент контрфактивности входит в значение грамматической формы. В русском же языке это противопоставление не имеет формального выражения, соответственно, русская фраза *Если бы ты это сказал, то ты бы ошибся* является двусмысленной.

При этом диссертанту удалось обнаружить один периферийный контекст, где все же имеет место некая формальная корреляция (с.139): «если в протазисе условной конструкции с сослагательным наклонением употреблен инфинитив, то частица *бы* может опускаться, когда пропозиция имеет референцию к генерическим, хабитуальным ситуациям или к ситуациям будущего, но не может опускаться тогда, когда она относится к конкретным ситуациям прошлого», ср. *Если **начать** реформы завтра, через три года кризис бы закончился* и **Если **начать** реформы в 1990-м году, сегодня не было бы кризиса*.

5 Анализ русского сослагательного наклонения проводится в диссертации почти исключительно на материале текстов Национального корпуса русского языка, начиная с 1970 г. Это является одновременно достоинством и недостатком работы. Достоинством потому что весь приведенный материал и полученные количественные оценки являются верифицируемыми. Однако, как уже неоднократно отмечалось устно и обсуждалось в публикациях отечественных лингвистов, при том, что корпус и в частности Национальный корпус русского языка это незаменимый инструмент лингвистического анализа, без которого не может обойтись никакое современное лингвистическое исследование, отсутствие какого-либо типа употребления в корпусе не может считаться свидетельством его отсутствия в русском языке (той же эпохи и даже того же стилистического регистра) как и наоборот, единичные случаи употребления некоторой единицы не являются основанием для ее

«легализации». Впрочем, диссертант отмечает это обстоятельство в сноске на с. 43, ссылаясь на мнение анонимного рецензента, и в отдельных случаях прибегает к использованию материала из других источников.

Постраничные замечания:

С. 32 Утверждается, что из предложения *Я бы пришел, но мама не разрешает* следует *Я не пришел*. По-видимому все же, по крайней мере для русского языка это неверно: из *Я бы пришел, но мама не разрешает* ничего не следует (кроме наличия определенного комплекса идей в голове говорящего в частности, намерения не приходить). Следствие *Я не пришел* имеет лишь высказывание *Я бы пришел, но мама не разрешила* и то лишь в той ситуации, когда данная фраза произносится постфактум (тем самым *Я не пришел* это не следствие, а условие уместности).

С.34-45 Безусловно интересен феномен условно-уступительных предложений с сослагательным наклонением в главном и со словом *даже* в придаточном предложении, обсуждаемый на с. 34-35 диссертации. Рассматривается пример.

(62а) - *Как хорошо, что ты пришла. – Я бы пришла, даже если бы меня не позвали. = Я пришла*

Однако предлагаемое объяснение отличия таких предложений от просто условных представляется неубедительным. Дело в том, что тот факт, что эта ситуация имела место, не входит в значение данной формы – это лишь следствие, выводимое из контекста (в отличие от приведенного выше латинского примера с формой *plusquamperfectum conjunctivi*, где компонент контрфактивности входит в значение грамматической формы); можно лишь утверждать, что она *допускает употребление* в том числе, в ситуации, в которой имеет место ситуация *Я пришла* как и в противоположной, что ясно из следующего примера.

(62б) - *Жаль, что ты не пришла. Тебя не позвали? – Я бы пришла, даже если бы меня не позвали. Но я была не в Москве. = Я не пришла*

Поэтому невозможность употребления индикатива (иллюстрируемая примером (63) **Я пришла даже если бы меня не позвали*) здесь не требует объяснения.

С. 46 Относительно примера (12) утверждается:

Диалогические употребления не допускают условных придаточных с контрфактивным значением, поскольку обозначаемые ими ситуации не бывают контрфактивными:

(3) **Я бы посоветовал вам принимать гормональные средства, если бы у вас были хорошие анализы. Начните вот с этого.*

Автор, очевидно, хочет сказать, что в рамках диалогического употребления сослагательного наклонения невозможно условное придаточное с контрфактивным значением однако цитированное выше утверждение данного смысла не выражает (форма *ими* осуществляет анафору к ИГ *условные придаточные*, а они как раз могут быть контрфактивными).

С. 50 Для примера (143) интерпретация значения предложения с сослагательным наклонением как контрфактивного представляется сомнительной:

(4) *Приехал Ваня — в ухе самодельное кольцо-клипса... и говорит — хочу проколоть.. Как вы думаете — можно разрешить? Я бы разрешила...*

Здесь говорящий выражает свое сомнение относительно правильности обсуждаемого поступка, и скорее даже склоняется к тому, чтобы его совершить.

С.85 Утверждение об отсутствии в русском языке формы императива от глагола *хотеть* является преувеличением: эта форма действительно весьма ограниченная, но возможная: в НКРЯ имеется 12 примеров употребления формы императива *хоти*, характерной для разного рода диалогических и квазидиалогических реплик (и не только в формуле *хоти не хоти*), ср.

И что уж это *хоти не хоти* заставит как-то решать вопрос в ту или иную сторону [А. Т Твардовский. Рабочие тетради 60-х годов (1969) // «Знамя», 2004]

«Я хочу знать!» — «Женись, тогда и *хоти*!» И его бессильная ярость, и кидание трубки, и резкие слова о том, что нельзя жениться на бабе, которая неизвестно где шляется и неизвестно что делает. [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)]

Я не хочу, — сказал Янсон. Что ж, милый, *не хоти*, дело твое, — равнодушно сказал старший. [Л. Н. Андреев. Рассказ о семи повешенных (1908)]

Примеры такого употребления встречаются, действительно, преимущественно в текстах до 1970-го г., тем не менее, считать данную форму отсутствующей в современном языке было бы неправильно.

С.86 Говорится:

Конструкции предикативов с частицей *бы* не содержат нулевой связи. Это видно, в частности, по тому, что они не входят в парадигму, которая является признаком существования нулевой связи (Тестелец 247-253):

(5) *Надо бы поест*.

**Надо бы будет поест*.

Однако аномальность **Надо бы будет поест* обусловлена несочетаемостью частицы *бы* с будущим временем (ср. **поработаю бы*), а не с предикативом *надо* в прош. времени в контексте *надо* связка появляется: *Надо было бы поест*, *Надо бы было поест*.

С. 89 В списке предикативов, которые сочетаются с частицей сослагательного наклонения *бы* без связки, фигурирует слово *должный*: очевидно, здесь надо было указать краткую форму *должен*

С. 97 Суть диахронического изменения, состоящего в утрате в современном русском языке конструкций типа *верная бы смерть*, *славный бы случай*, как представляется, точнее было бы охарактеризовать не просто как сужение возможностей употребления сослагательной конструкции с существительным, а как утрату определенного типа таких конструкций, а именно такого, где опущен глагол *быть* в финитной форме, а функцию предикации берет на себя полная форма прилагательного в отличие от широко распространенных в современном языке конструкций типа *Мне бы ваши проблемы*, *господин учитель*, где опущен глагол, управляющий присутствующей в поверхностной структуре ИГ

С. 113 Пример (482) из В Токаревой, иллюстрирующий редкую возможность употребления индикатива в аподозисе условной конструкции за пределами модальных глаголов, является неправильной русской фразой что является дополнительным подтверждением тезиса диссертанта о возможности употребления индикатива в данной позиции как особенности именно модальных глаголов.

Следует отметить также наличие в тексте работы недочетов технического либо редакционного характера. В частности, поскольку варианты *бы* и *б* признаются автором равноценными, в тексте работы достаточно было бы упоминать лишь один из них (и не пользоваться каждый раз обозначением «*бы(б)*»).

Высказанные замечания, как уже было сказано, по большей части носят либо дискуссионный, либо технический характер и ни в коей мере не умаляют высоких достоинств исследования.

Диссертация Н.Р.Добрушиной является новаторской научной работой, которая представляет собой огромный вклад как в теорию русской грамматики, так и в общую типологию. Опубликованные работы и автореферат в полной мере отражают содержание исследования. Диссертация полностью отвечает критериям, установленным пунктами 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней» Правительства РФ от 24 сентября 2013г № 842, а ее автор Нина Роландовна Добрушина без всякого сомнения заслуживает присуждения ей степени доктора филологических наук по специальности 10.02.19 «Теория языка»

Официальный оппонент,
главный научный сотрудник
отдела типологии и ареальной лингвистики
Института языкознания РАН,
доктор филологических наук
(специальность 10.02.19)

Зализняк Анна Андреевна

125009 Москва Б.Кисловский пер. д. 1, стр.1
Институт языкознания РАН
Отдел типологии и ареальной лингвистики
Электронная почта. iling@iling-ran
Телефон: +7 495 690 3585

